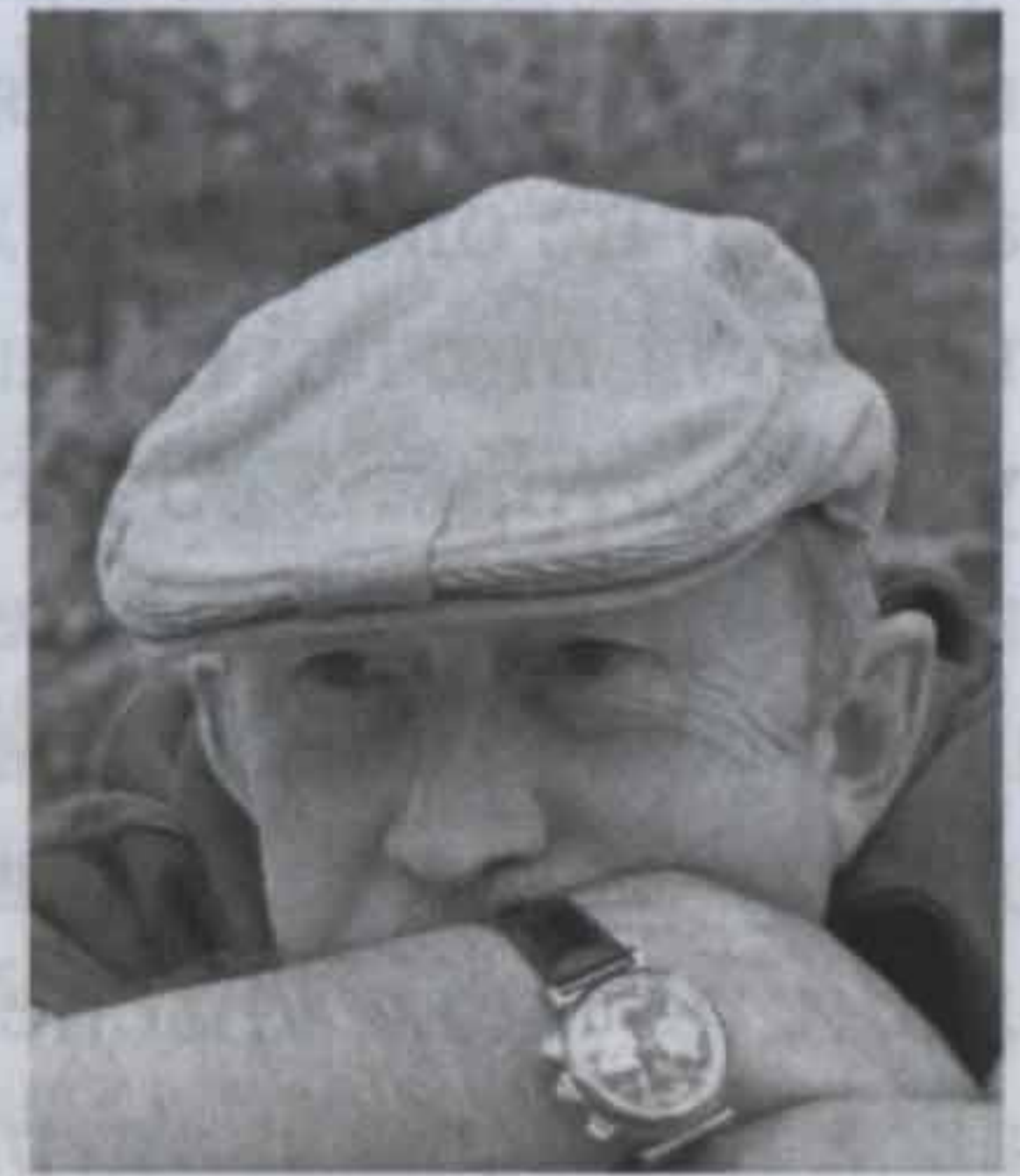

ПАВЕЛ САВИНКИН

Журналист. Если б не лень — стал бы известным писателем. Предлагаемые новеллы — эпизоды из творческой биографии.

АГДАМ

Несмотря на этикеточное сообщение, что это «азербайджанское белое» вино, «Агдам» выглядел мутно-розово-жёлтым — в зависимости от места перерозлива, так что в дальневосточных краях он имел весьма отдалённое отношение к своей родине... Покупался этот невкусный напиток зачастую из расчета степени воздействия на голову. Бывало, хватало и на водку, но она сильно была «по мозгам», вышибая из рабочего процесса. Исходя из этого, «Агдам» был самым «принимаемым» напитком журналистов-районщиков 70–80-х годов. После обеда, часа в три-четыре, когда утихал вал поденщины, открывалась дверь, и вошедший завсельхозотделом спрашивал коротко: «Ну, что?» И это означало, что рубль уже был наготове. Третьим присоединялся, как правило, фотокорр. Письмами заведовала дама «из интеллигентных», в замах ходил идейный сторонник линии РК КПСС, а предлагать «накатить» редактору не позволяла субординация. Продавался «Агдам» в двух ёмкостях — по 0,8 литра («огнетушитель», «бомба») и по 0,75 — просто «пузырь». В зависимости от ёмкости была и цена — от 2,20 до 2,70 — хватало ещё и на пару беляшей из «Чайной» по пути. Почему-то ни у кого в столе не оказывалось ни перочинного, ни хотя бы захудалого столового ножа,

и полиэтиленовую пробку разогревали горячей спичкой и сковыривали пальцами. Прятали бутылку в шкафчике деревянного, выдавшего не одно поколение бумагомарателей стола. Там же, на листе серой писчей бумаги лежал разломанный пирожок, столовский дух от которого сочно разносился по коридору деревянного барака редакции («кхе-кхе» — многозначительно-понимающе поджимала губы завписьмами). В отдел, где «начислялось», заходили по одному, таких заходов получалось по два на брата. Глаза начинали блестеть, щеки краснели, материал, если ещё не был сдан, дописывался наскоряк дежурными фразами, рабочий день шел к концу и можно было засылать гонца ещё за одной «бомбой».

Однажды, зная, что редактор на бюро, зам. на больничном, а «письма» не в счет, бутылку из стола на поверхность достали. И в это время неожиданно вошел шеф.

— Что празднуете, мужики? — спросил он.

— Брежнев умер! — потупив голову и с печалью в голосе (и с чуть ли не выступившими на глазах слезами) произнес сельхозник, — Леонид Ильич... Только что передали...

— Да... — протянул редактор. — Надо помянуть...

И сбросил на стул пальто.

Такая картина, возможно, с небольшими отличиями, наблюдалась во всех районках страны. (А также в «молодежках» и областных партийных газетах). И ерунда, что пили журналисты из-за противоречия между тем, что видели в жизни, и тем, что приходилось писать. Пили просто потому, что хотели выпить. Вот и все.

Говорят, сейчас в центре России, в той же Москве, можно найти выдержанный «Агдам» в бутылке с красивой этикеткой. Но давно изменились вкусы, приоритеты, цели, задачи, а главное — возможности организма при употреблении алкоголя, и это название «Агдам» просто осталось в памяти как еще одна картинка доперестроечного времени и профессионального становления.

P.S. И, кстати сказать, одного из лучших журналистов «Амурки» Адама Погарского по-свойски называли «Агдамом», что только подтверждало популярность напитка...

ВАЛЬС В РИТМЕ ДОЖДЯ

Школьный хор — сплошное занудство: домой хочется, под ложечкой сосет, дел накопилось невпроворот, то да се, а тут — хор... Встаёшь, внутренне изнывая, на специальные скамейки и начинаешь разучивать не самые интересные песни, при этом, как правило, с искажённым мотивом: основную ведь партию с мотивом «правильным» поют первые голоса, те, что потоньше, а тебе приходится принаравливать-ся, чтобы не сфальшивить на второй (а то и на третьей!) партии. В общем, скукотища!

На хор нас как только не заманивали! Бывало, объявляют, что после 6-го урока в актовом зале — детективный (!) концерт преподавателей музыкальной школы. Всем любопытно: что еще за детектив такой — музыкальный?! Зал битком, артисты рассказывают про какого-то злодея Какафона, который не может издавать правильные красивые звуки, и как с ним борется прекрасная и нежная Гармония. Ну, в общем, ничего, слушать можно. Да только вот после концерта директор школы Иван Генрихович Панкрац становился вместе с «певичкой» — учительницей пения в дверях зала и отлавливал всех тех, кто должен был петь в хоре. Шиш увернешься!

И начиналось... Распевка: ма-мэ-ми-мо му..., всякие арпеджио и прочие ляляки.... А впереди — обязательная русская народная, обязательная патриотическая типа «Ленин всегда живой» и...

И вот однажды певичка, сев за пианино и аккомпанируя сама себе, предложила нам очень славный вальс, слушая который, как-то и забылось про бурчание в животе.

«Солнца не будет — жди-не жди, третью неделю льют дожди», — пела хористка, и мы живо представили большой костер в пионерском лагере, а я, недавно вернувшийся из детского санатория, так даже и вспомнил свою тамошнюю любовь.

Учился я тогда, кажется, в седьмом, песня была исполнена потом нашим хором на каком-то очередном смотре и в отличие от многих других песен не забылась, поскольку постоянно встречалась в самых разных жизненных ситуациях. И я всегда был уверен, что родилась она

где-то в Артеке, поскольку её всё время напевали возвратившиеся из Всесоюзных пионерских лагерей, и просто не было сомнений, что это — народная песня, сочиненная кем-то из безымянных пионервожатых...

У кого бы ни спрашивал при случае, — да, все знают, все слышали, все уверены, что песня артековская... Потом покопался в литературе и узнал, что написал её давным-давно физик Наум Лисица, участник горных походов по Байкальскому хребту и Хамар-Дабану, руководитель лыжных походов по Таймыру, Хибинам и... — да где его только ни носило! В таких походах отношения между людьми понятные, простые и чистые. Такой и песня получилась. Искренней. Поэтому и пошла в народ...

Там строчечка в конце такая есть: «И вопреки всему горит наша звезда»... Она-то и есть главная — вы согласны?

ВЫСТРЕЛ

Пушкина я невлюбил с первого класса.

«Ветер, ветер, ты могуч», — выводил я пёрышком в сотый раз четверостишие, напечатанное в букваре под картинкой с разгулявшимся морем и парусником на нем. Почему-то с самых первых месяцев не заладилось чистописание, и однажды учительница, отчаявшись добиться от меня каллиграфического почерка, испортила мне воскресенье мучительно-утомительным заданием. Полдня я добросовестно переписывал в тетрадку это упражнение целых десять раз, оставшись в то воскресенье без мальчишеских уличных забав.

Проверявшая домашнее задание маманька претензий не имела. Можно было строить планы на будущее. Однако через пару дней меня ждал удар: учительница осталась недовольна. Приговор — еще 10 копий бессмертных строк — заставил меня сомневаться в том, что Пушкин — самый любимый русский поэт (фамилию автора в скобочках я тоже писал после каждой копии). Иначе как иезуитством это нельзя было назвать, но такого слова я тогда еще не знал.

Несколькими годами позже заданный к прочтению на лето «Евгений Онегин» так и запылелся на полке. Хватило самых первых строк,

чтобы скулы свела скука: все-таки это были стихи, а не рассказы про шпионов! Опять же одноклассник Саня Матушкин под большим секретом дал почитать «Декамерон», в котором самые пикантные места были подчеркнуты карандашом — так легче было выбирать наиболее интересные, занимательно-волнующие, спирающие дыхание эпизоды.

Правильная маманька нет-нет да и спрашивала, читаю ли я, то, что задали. Уже и не помню, краснел ли я тогда, отвечая... Обложка первого учебника по половому воспитанию была — не подкопаешься: «Пушкин. Избранное».

Вряд ли добавили что-то положительное в моё мнение об Александре Сергеевиче нудные учебниковские рассуждения о «лишнем человеке» Онегине и о том, что он — потенциальный борец с ненавистным царизмом. Были непонятки и в его отношениях с Татьяной Лариной. Детальное штудирование «Декамерона» с последующим обсуждением с дворовыми пацанами сделали для меня отношения полов более прозрачными, не столь жеманными, как описал в своем романе поэт.

Наповал же, одним выстрелом (!) меня сразил Пушкин своим небольшим шедевром «Я вас любил». Томимый мучительной любовью к (э-э... Кого ж я той зимой любил?) я вдруг наткнулся на обороте листка отрывного календаря на этот маленький опус. Оказывается, автор испытывал те же чувства, что и я! Он также возвышенно мыслил! Также был незамечаем, также страдал... Меня изумило: как он за много лет до меня мог написать про меня, про мои чувства?!

Стихотворение было выучено с первого раза! Началась долгая благодарная любовь к великому русскому поэту. Где-то в глубине книжных стеллажей пылится «Декамерон». Здесь Пушкин дуэль у Боккаччо выиграл...

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД

Первейший человек в армии — после хлебореза, конечно, — это художник. На него и полковой комсомольский вожак молится (особенно перед конкурсом воинских стенгазет), и сослуживцы, которым он в письме девчонке рисунок душещипательный про любовь делает. В общем, нужный специалист, востребованный.

Иной раз направят подразделение, к примеру, уголь побросать, — все упираются, пашут, пыль глотают, а художник наш — Серёга Капитонов — сидит себе в теплом уголке и дембельский альбом «дедушке» разрисовывает. Да не просто карандашами там чиркает и дефицитным по тем временам фломастером, нет! Он сначала эскизы тому на утверждение готовит, варианты разные прибрассывает, и уж потом... А «дедушка» его за это от злобного сержанта оберегает. Крышует, как сейчас говорят.

А то придумает главное политуправление какой-нибудь кустовой семинар передовиков Вооруженных Сил, соберёт из разных воинских частей тех, кто ни разу на самоволке или с не на посту не попадался — тут Серёге ночами бдеть: наглядную агитацию в срочном порядке рисовать-клеить, лозунги писать всякие, цитаты из Брежнева...

Зато по окончании совещания — ему отпуск внеочередной, он и домой сгоняет, продуктишек лакомых привезет... В общем, лафа.

Времена же, как вы поняли после упоминания фамилии Брежнева, были очень идеологизированными. На политзанятиях строго конспектировались малопонятные и совсем в армии не нужные работы В.И. Ленина, личный состав должен был назубок знать ФИО членов Политбюро ЦК КПСС и руководителей стран-участниц Варшавского Договора.

И вот прибыл в нашу часть новый начальник политотдела. Не откуда-нибудь — из самого Ленинграда! То ли за провинность какую слетел в заштатный городишко Уссурийск, то ли за званием очередным приехал, история умалчивает, но только так рьяно взялся за превращение части в центр политпропаганды и агитации, что даже сам, наверное, поверил в то, что коммунизм действительно может наступить!

И зачесалось ему поставить возле штаба огромный плакат с Лениным, аккурат ко дню рождения Владимира Ильича, и пообещал он Капитонычу ранний дембель, если тот успеет в срок. Серёга успел. Пахал, как раб на галерах! Исхудал! За основу взял известное полотно, на котором вождь мирового пролетариата в сопровождении военачальников обходит строй красноармейцев в преддверии парада. Ленин получил-

ся — как живой! Казалось, еще мгновение — и с картины сойдет, — вот какой мастак был Серёга!

Ну и буквально сразу после торжественного построения, проведенного 22 апреля, подхватил он свой дембельский чемоданчик и нырнул в гражданскую жизнь. Чуть ли не на месяц раньше других дембелей! Начпо слово сдержал... И шепнул Серёга перед уходом, чтобы повнимательнее мы на картину посмотрели. Мы и посмотрели... Из-за правого плеча Ленина на нас смотрел сам начальник политотдела, — если что и отличало, так это бородашка клинышком. А еще в ряду красноармейцев стоял наш комполка и рядом с ним — сам Серёга. И физиономия такая! Хитрющая!

Ходить возле штаба стало веселее.

ЗВУКИ ТИШИНЫ

Как всякий нормальный человек, побродил я немало по свету — всё счастье свое искал... Кто ж его не ищет по неопытности? Ну и, было дело, прожил с десяток лет в самом центре Сихотэ-Алинского заповедника...

Про всяких зимородков, коростелей и уток-мандаринок и упоминать не буду: их там у нас как воробьев у кормушки! Лисы — так те без зазрения совести в поселок заходили позавтракать: куры квохчут, будто их режут, перья летят, хозяйка орет (да еще и матом, да еще и, прямо скажу, не благим!), а Патрикеевна хвостом цвирк в дыру заборную — юрк — и до следующих встреч! Сам лично наблюдал. Если не верите — хотя бы на денёк в те края сгоняйте. Про тигра не обещаю, мои пути с ним не пересекались, а медведика вот — того запросто увидите. Однажды один такой настолько одомашнился, что зашел попроведовать теленочка в загоне моего односельчанина. Дом его аккурат четвертым от околицы стоял. Пока мужичок вспоминал, есть ли у него ружьишко или нет, а если и имеется, то в каком углу стоит, — Миша-то с теленком и побеседовал...

А самая что ни на есть запоминающаяся встреча произошла у меня часа в три ночи на трассе Пластун-Терней.

Возвращался я из Владивостока на машине.

Глаза мои — про такое состояние говорят: «шары навекат», потому что в общей сложности за рулём находился к тому времени уже часов восемнадцать. Крепкий кофе спасать перестал, да и смотреть на него уже было противно. Что помогало, позволяло еще держаться и не засыпать, так это на полную мощность включенный магнитофон. У певца, которого я слушал тогда, глотка луженая, голос пронзительный, в самую середину мозгов залазит ... В общем, хоть и мутный, но, слава богу, еще не засыпаю.

И вдруг...

Нет! Это надо видеть. Попробуйте себе представить: высокая, скалистая, пробитая дорогой сопка. С одной стороны — обрыв, пропасть и море, по серебристой глади которого проложена лунная дорожка. С другой — тоже обрыв, но не такой крутой, и чёрная тайга. Почему чёрная? Так потому, что луна всё внимание на море обратила. И как раз на моем пути прямо посередине дороги стоит олень. То ли музыка ему моя понравилась, то ли свидание у него в том месте назначено было, не знаю, спрашивать не стал. Язык не повернулся.

Он стоит — и я стою. Музыку тут же и выключил — не вязался этот саундтрек с такой картиной. Постояли мы так, может, минуту, может, пять, казалось, и время само застыло... Сдал я чуток назад — осторожно, неприметно, плавно — ну, как набросится: рога-то у него наготове, как вилы у бунтующего крестьянина...

Но олень дружелюбным оказался. Заметил мое движение, всхрапнул слегка, словно сказал мне что-то — это, насколько я понимаю, удачи пожелал, и по своим делам двинулся — вниз, в сторону чёрной тайги.

Надо бы и мне ехать, а не хочется. Что-то происходит в душе... Луна грустная за мной наблюдает — вздыхает о чем-то вечном. Море колышется чуть заметно — тоже о чем-то думает. И будто знают они обо мне что-то такое, чего и сам я не ведаю. И небо надо мной — совершенно без дна.

И жизнь. Только одна — и такая маленькая...

...Магнитофон я больше не включал. Слушал тишину. Пожалуй, самая обворожительная музыка.

КАК Я ПРОВЕЛ ТОЙ ЗИМОЙ

Математичка Елена Сергеевна предупредила: через неделю — городская контрольная, повторите дома такие-то темы, порешайте примеры, уравнения, — в общем, подготовьтесь посерьезнее, все-таки первая школа на фоне других должна и в математике быть первой...

Легко сказать «подготовьтесь». А как готовиться, когда в голове мысли об одноклассницах, обрывки стихов — кто ж в 14-15 лет рифмы не пытался складывать?! Ну и прочие интересные сюжеты. Например, пойти вечером на каток и пригласить... Тут мысль теряла разбег, потому что пригласить хотелось многих. И кататься, держась за руки, и греть ее ладони своим дыханием... Или можно пойти в кино — как раз на экраны вышел «Чингачгук — Большой змей» — и смотреть вестерн, держа руку (тут фантазия опять теряла разбег, поскольку держать за руку хотелось многих). Короче, до алгебры ль тут?!

Надо сказать, что, начиная класса этак с седьмого, домашние задания по математике я просто перестал делать раз и навсегда, уяснив, что тема эта — не моя. Классная в этом смысле на меня давно махнула рукой и к доске вызывала только в том случае, если хотела наказать за какую-то провинность.

О том, как я умудрялся списывать на уроках — отдельная песня, скажу лишь, что однажды даже удостоился похвалы Елены Сергеевны. Придя на урок, она задала самостоятельную работу, нарисовав на доске какие-то знаки и цифры, весь класс заскрипел перьями, и, переписывая в тетрадь задание, я вдруг просек, что неделей раньше нечто похожее уже задавали на дом. Решение тогда я успешно содрал с тетрадки моего одноклассника. Пролистал несколько страниц назад — точно, тот самый пример. Ну и благополучно переписал решение еще раз. И даже нахально поднял руку.

Но я отвлекся. Итак, на носу была городская контрольная, где нужно было не посрамить честь школы. Накануне я начал «серьезную» подготовку. Сразу после уроков, проигнорировав «музыкалку»,

вывалился во двор и от души набегался по дворовому катку с соседскими пацанами. Заскочив домой, разгорячённый, напился холодной воды прямо из-под крана (вода была не чета сегодняшней!). Потом разделся до трусов и открыл двери балкона, впустив в квартиру клубы мороза. Изрядно замёрзнув, закрыл дверь и съел три порции мороженого, предусмотрительно купленного по пути из школы. Можно было б съесть и четвертую, но просто не лезло... Потом пошел опять на улицу, где прогулялся вокруг квартала, дыша строго ртом. В этих самоистязаниях и закончился день.

Вечером маманька спросила, что это я такой румяный.

— Может, заболел? — с надеждой высказался я.

Предатель-градусник показал 36,6...

Наутро ни хрипов в горле, ни соплей в носу обнаружено не было. Контрольная надвинулась неотвратимо, как вражеский танк.

Ангиной я заболел, но неделю спустя, в первый день начала зимних каникул...

КАНИКУЛЫ ОСОБОГО РЕЖИМА

Признаюсь в смущении, что в самом начале обучения в музыкальной школе был я пенёк пеньком, что объяснимо: сложновато самому младшему что-то с лёту схватить — понять, разобраться. Ну и записать скорость не та: пока ручку в чернильницу обмакнёшь, пока слово выведешь... В общем, построение интервалов и прочих доминант-септаккордов приводили меня в полнейшую депрессию. И вот однажды, прогуляв очередной урок сольфеджио (а как ходить, если чувствуешь себя на занятии просто предметом?!), я набрался смелости и бухнул родителям, что в музыкалку больше ни ногой!

Мой мудрый отец не стал рубить сплеча — ругаться, убеждать или упрашивать, а сходил к преподавателям, о чём-то с ними поговорил, со мной остались пару раз после уроков, что-то втолковали. Понемножку я вошел во вкус и музыкалку окончил — не хвастаюсь! — в числе лучших.

Умение играть на баяне (а попутно на гитаре и барабанах) здорово выручало меня по жизни. В той же армии, например, где меня сразу определили в оркестр.

Подразделение наше в какие только дыры ни засовывали: перегрузить фрукты на базе военторга — оркестр (вот уж где впервые в жизни ананасов наелись, до этого только на картинках и видели); субботник на подсобном хозяйстве полка, а там тепло и сытно — оркестр. Ну и по назначению: где какое мероприятие в городе — мы тут как тут. И вот однажды отправили нас на открытие пионерского лагеря, директором которого была жена нашего командира полка. Отыграли какую надо программу: марши там всякие, из классики кое-что, оркестр-то у нас хороший был, играли так, что мурашки по спине... Ну а потом у пионеров игры, конкурсы разные... Мои соратники-музыканты уже печенье с конфетками компотом запивают, запасы по карманам делают, а я, как раб на галерах, меха баяна раздвигаю — детишкам конкурсировать помогаю. Кто какую песню заказывает — подыгрываю без всяких-яких. Тут и воспитательницы с пионервожатыми обступили, для каждого отряда сыграть что-то надобно... В общем, часа два без перерыва всем кнопочкам баянным покоя не давал.

Ну, а там и расставаться пора. И тут директриса неожиданно предлагает нашему дирижеру, мол, оставьте своего баяниста, у нас музыканта нет!

Тот аж ужаснулся: да это ж армия, да устав, да...

— Спокойно! — прерывает его директриса и идет звонить своему мужу. После того звонка наши оркестранты сели в автобус без меня. А хитроватый сверхсрочник сержант Панченко многозначительно подмигнул мне из окна отъезжающего транспорта, кивнув в сторону пионервожаточек.

О том, что потом девчата, бывшие пионервожатые, приходили ко мне в часть на свидания, — рассказывать не буду, я же не любовный роман пишу. Скажу лишь, что питание в пионерлагере позволило не жалеть о съеденных моими друзьями на открытии конфетах, а имя Паша, музыкально произнесенное девичьим голоском пиано, (пианиссимо!), здорово отличалось от грубого командирского «рядовой Савинкин!»...

Режим дня всё же пришлось соблюдать и вставать по горну: пионеры зарядку делали строго под баян. Ну, так и горн — это не противное «рота, подъем!».

В музыкальных паузах писал родителям. Сладко позевывая, не забывал благодарить за науку...

МЕРЦАЮЩИЕ ЗВЁЗДЫ ЧИНГИЗХАНА

Описывать звёзды в тех краях — себя не уважать: как можно рассказать обычными словами, что звёзды эти — даже не на небе, а просто в воздухе, чуть выше тебя, над головой: подними руку — и вот она — на ладони. И руку не протягиваешь потому, что как раз именно этого и боишься — задеть и сбить... Звёзды настолько близко, что, кажется, слышишь их серебристо-льдистое дыхание. Ну, подобное слышишь, когда влюблен, и рядом любимая, а за окном иней на деревьях... Иней ведь тоже звенит, как звёзды... Или вы не слышали?

А еще звёзды в тех местах — густые. Там и неба-то не видно из-за них: сплошное позвякивающее мерцание, этакий ковер из звёзд, сотканный чьей-то щедрой рукой.

А еще они, эти звёзды, — живые...

— Как живые? — переспросил я старушку-бурятку, услышав про то, что звёзды, оказывается, как люди.

— От темный! — беззлобно ругнулась круглолицая, как луна, старая Бортэя, пошевеливая ивовым прутиком головешку в костре. Когда б не были живыми, как бы на небо взлетели?!

Мы сидели у костра ее дома в глухом забайкальском селении, куда меня чёрт занес по фольклорным делам — вечным тяжким крестом студентов-филологов.

К своей деревянной избе, куда ее поселила советская власть, старая кочевница Бортэя так и не привыкла, печку не любила и готовила все на костре в заросшем травой дворе. А напившись густого чая с кобыльим молоком и бараньим жиром, нараспев рассказывала дивные истории, которые слышала еще от своей матери.

Повезло мне тем далеким летом — много историй знала старушка.

* * *

— Звёзды эти — искры из-под копыт коня нашего прародителя Чингизхана, — продолжила рассказ бурятка.

— Так он же прародитель монголов! — перебил, не выдержав, я. Но старушку было трудно сбить.

— Наша родовая ветвь — буряты — восходит названием к имени предков Чингиза — Борте-чино, что означает «сивый волк». Он со своей женой Хо Марал, — ну, ты, наверное, знаешь, что это означает «каурая лань» — переплыл море Тенгиз, то есть Байкал, и стал кочевать возле горы Бурхан-халдун. У подножия этой горы — родовое кочевье Чингиза, а это здесь, рядом, и старуха неопределённо махнула рукой в сторону от костра.

— Борте, Бортэя, Бурхан, буряты... — всё понял? — спросила меня сказительница и, не дождавшись ответа, продолжила:

— Уже в юном возрасте грезилась Темучину (Ты хоть знаешь, грамотей, что при рождении Чингизу дали имя Темучин?) дальние походы.

Он видел разрозненные племенные кланы одной могучей семьей, живущей по всему миру. От горизонта до горизонта и за горизонтом тоже — одна большая семья, и главой ее — он, Темучин, наречённый впоследствии Чингизханом.

— И надо сказать, — старушка отхлебнула из чаши уже подостывшего чая и блаженно причмокнула. — Надо сказать, наши боги благоволили Темучину, и очень сильно помогал ему его дух Сульде.

Большое войско собралось вокруг нашего героя, и пришла пора завоевывать мир, который находится за 9 и даже за 99, и даже за девять раз 99 дней пути, и даже ещё дальше от той священной горы Бурхан-халдун, где собиралось войско Темучина.

— Но это очень долго! — говорили предводителю его ближайшие помощники-темники.

— Мы будем идти и ночью! — невозмутимо отвечал Темучин.

— Но ночью вокруг непроглядная мгла! — не отступались сомневающиеся.

ГБУК "АОНБ им.
Н.Н. Муравьева-Амурского"

987875KX
229578786

— Я освещу путь искрами из-под копыт моего коня! — настаивал Темучин.

— Что твой конь?! — смеялись те, кто уже переставал верить в грядущие победы. — Обычное животное...

И тогда шепнул что-то Темучин своему верному коню, взвился тот на дыбы и ударил своими копытами о каменистую почву так, что брызнули из-под копыт искры — много-много, многожды много искр и, не погаснув, остались висеть в воздухе.

И победно взглянул Темучин на своих товарищей, и потупили они свои взоры, и согласились с тем, что Темучин — великий из великих, и уже больше никогда не сомневались в его правоте, и двинулись они в поход, и шли долго-долго, останавливаясь только для того, чтобы напоить или сменить уставших коней. Так завоевали они полмира и помогали им искры-звёзды, которые зажёл для них Темучин-Чингизхан.

— А разве до Чингизхана звёзд не было? — простодушно поинтересовался я.

— До Чингизхана вообще ничего не было! — твердо заявила Бортэя.

— А где же та гора, из подножия которой высекаются звёзды? — подзадорил я старушку, но скорее из вредности.

Я так и не заметил, в какую сторону она показала рукой, потому что в это время потихоньку тонул в глазах тугой, налитой соком молодости и желаний Бортэевой внучки. И совсем не интересовали меня в тот момент координаты Бурхан-халдуна, и мне не давал покоя мой собственный Сульде («жизненная сила»), и я думал уже только о том, чтобы старая Бортэя поскорее отправилась спать.

* * *

...Проходят годы, приходит пора вопросов и пора поисков ответов. Были ли звёзды до Чингизхана — не самый главный из этих вопросов.

Мучают, не позволяют заснуть те, что уже, не переставая, вертятся в мозгу: правильно ли живешь? Для чего живешь? Выпустил ли на небо хотя бы одну, пусть самую маленькую звёздочку?

И уже вспоминаешь свою жизнь шаг за шагом, минута за минутой, мгновение за мгновением, и уже все явственнее осознаешь: здесь словчил, тут сфальшивил, в этом месте не дотянул, а тут обманул или промолчал, а вот здесь, вот-вот, именно здесь, уже все получалось, уже был близок к вершине, уже увидел за ней другие горизонты, но поленился, не настоял, опоздал. И коришь себя, и винишь за то, что где-то потерял себя, заблудился, и — кто знает?! — может для того, чтобы снова себя обрести, стоит припасть к истокам жизненных сил, ну, может быть, к той земле, где однажды копыта коня великого Чингизхана осветили землю звёздами?

Или к той Бортэевой внучке...

НЕОСПОРИМЫЙ ТАЛАНТ

Ну уж коль скоро на носу День защитника Отечества, расскажу немного о своей армейской жизни. Служил со мной в полку Витько Луценко. Хохол чистейшей воды! Что кузнец Вакула из Диканькинских вечеров. А хитрован! Впрочем, я уже повторяюсь, ведь хохол и хитрован — это синонимы... Командиром нашего подразделения был майор Карась, земляк Витька. Он и набирал новобранцев на Украине. Он же и перевозил их к месту службы.

И чего ему в самолете напел (в прямом и переносном смысле) новоиспеченный служивый, одному богу известно, но по окончании курса молодого бойца оказался Витько в муззводе, в военном оркестре. Подразделение считалось элитным, траншей музыканты не рыли, попасть туда — надо было обладать неоспоримыми талантами!

А через полтора года нашего командира перевели в Германию, на его место назначили капитана Курочкина, который и решил вдруг устроить музыкантам срочной службы экзамен, проверку, кто как партии свои знает. Подобного у нас не было. Оркестр был хорошим. Среди ночи поднимут на полковую поверку, скомандует зычно комполка: «Оркестр! Играй «Зарю»! И грянет такой красивый марш — не поверите, мурашки по спине. В общем, к качеству игры никогда вопросов не было. По праздникам мы и в сводном оркестре гарнизона

играли и считались лучшими... А тут — проверка... Пока очередь экзаменуемых к капитану-дирижеру, пока он замечания высказывал каждому в отдельности, туда-сюда, глядь, а Витька-то и нет! А он уже в санчасти, там у него друзья-земляки, уже и температура у него, уже и горло... В общем, через три дня, когда симуляцию скрывать было уже невозможно, выяснилось, что Витюшка в нотной грамоте — ни бельмеса, на альте своем даже гаммы до-мажор сыграть не может.

— Да как же ты полтора года в оркестре прослужил?! — разорялся дирижер...

— А шо, — отвечал Витько на русско-украинском. — Приставишь мундштук к губам да и стоишь, щеки надуваешь...

Хотел наш дирижер Витька в наказание в другое подразделение перевести, туда, где служба медом не кажется, да ведь это армия, пока бумажки соберут да согласуют, да утвердят — а тут и дембель! Да и сверхсрочники вступились за него, да и мы, срочники, поручились: сам по себе парень Витько был нормальный и, как солдатик, службу исправно нес — в казарме дневалил, по кухне дежурил, воротничок подшивал — что там еще... А что играть не умел, ну так зато пел хорошо. Иной раз в каптерке нашей соберемся, до одури напетурируемся, надудимся-набарабанимся... А оглохнешь от музыки такой, возьмет кто-то гитарку, я баян да для души и... Хороший у Витюшки голос был. Песни хорошие знал он... Здорово нам песня в армии помогала. После песен — как дома побываешь, душой отмякнешь. Вот такая связь с домом у нас была, через песню. Не хуже нынешнего скайпа!

Все-таки не случайно Витько в музвзвод попал. Были у него те самые неоспоримые таланты — умел он дембель приближать...

АЛЬТЕРНАТИВА СПЕЦСЛУЖБАМ

С места не сойти, не вру. Однажды довелось мне встретиться с настоящим шпионом.

Пистолетов под мышкой и черных очков он не носил, на супермена киношного похож не был. Ботинки у него стоптанные были, хотя к моменту нашей встречи он зарабатывал вполне приличную сумму — до

десяти тысяч в месяц. Долларов, разумеется. А ботинки — ну, может быть нравились ему именно те, что он носил, привык к ним, как к домашним тапочкам. Все-то у них, у шпионов (хоть и бывших), причуды какие-то...

Дело было в Саппоро, куда я попал благодаря тому, что работал в одном из приморских рыболовецких колхозов. А для рыбака сходить в Японию за автомобилем или за леской и специальными крючками для корюшки — святое дело.

И вот разгуливаем мы по автостоянке, прицениваемся к машинам, кислые физиономии делаем (при сладкой физиономии цена автомобиля ощутимо возрастает), глядя на сияющие, хоть и не первой свежести по японским понятиям «тойоты» и прочие «мазды» и «ниссаны».

Я уже высмотрел себе одну, по колёсам попинал с видом знатока, покривился — и дальше пошел. Вокруг следующей (для отвода глаз) круги повил, в салоне посидел, стойки подрыгал, хотя в то время — ни бельмеса в этом деле!

Вот тут-то и подошел ко мне японский гражданин. Поприветствовал он меня так, что я поперхнулся: выдал длинный виртуозный многоэтажный мат. Естественно, на русском — на японском я бы его не понял.

А японец рассмеялся. Довольный, понравилось ему, как он меня ошарашил. Ну и начали мы с ним объясняться. По-нашему чешет, как профессор русского языка на лекции. Единственное, что отличает — я ни разу не слышал, чтоб мои университетские преподаватели на лекциях матерились.

Ну, думаю, вот это класс! Вот это делец! Вот это торговец! Чтобы успешно продавать свои занюханые машины — русский выучил, да еще, судя по всему, у наших морячков практику проходил!

И тут заметил я на его руке татуировку на тыльной стороне ладони. Не японская наколка-то была. Не священную Фудзияму она изображала и не перекрёщенные мечи великих самураев. Не было там иероглифов, означающих «не забуду мать родную», а красовался среди редких волосков нормальный якорь да еще пятиконечной звездой сверху прикрытый — уж я ли не видел таких наколок, у нас чуть ли не весь экипаж с подобными ходил.

Соблюдая политес, я в витиеватой форме выразил почтение сыну солнца — отцу японской нации, жителю небес, императору, восхвалял традиции трудолюбивого японского народа, восхитился прозрачными и мудрыми стихами танка и хокку и, сделав (правда, не искренне) комплимент всем женщинам Страны, встречающей рассвет, я спросил торговца, почему татуировка у него вполне русская? На что потупил он взор, поводит носком стоптанного ботинка по гравию, закурил сигарету — и пошли мы с ним пить кофе в его небольшой вагончик-офис, где он и рассказал, что долгое время проработал на Сахалине. А кем — это уж я сам допетрил: атташе и всякие там консулы татуировками себя не разрисовывают...

Конечно, можно было бы слукавить и сказать, что я подумал про него: ах ты империалистический агент, наймит вражий, шпион проклятый, подрывник экономической мощи моей державы, душегуб... Но кофе был вкусный, в цене машины мы сошлись, день был хороший — не жаркий и не холодный; экономическая мощь моей державы, по большому счету, подорвана не тем, кто живет сейчас в Японии, а другими, теми, кто пока проживает у нас, и я ничего плохого про собеседника не подумал.

А когда он вез меня в порт, и мы слушали по радио его родную музыку, о которой я отозвался с почтением, он выключил приемник, пошевелил губами, что-то вспоминая, и пропел куплет песенки, которая ему нравилась, когда он жил в Советском Союзе. Слова там были такие: «Я бы взял твои ладони, к ним губами прикоснулся, несмотря на дождик проливной».

Я подпел ему. В своё время эта песня Олега Ухналева мне тоже нравилась. Хорошая песня, про любовь.

А когда мы с горем пополам, с трудом вспоминая слова, допели последний куплет, я понял, почему он оставил свою шпионскую профессию: нельзя любить наши душевные песни и одновременно пакостить.

Так что, если было б у нас сейчас побольше хороших исполнителей и композиторов, может, и службы безопасности без работы оказались? Вы как думаете?

МОЙ ДРУГ ИЗ ДАЛЕКОЙ ИТАЛИИ

«Прямо скажу: Джанни Моранди — мой друг. Можете сомневаться, можете улыбаться скептически, можете пальцем у виска крутить, а все одно: друг он мне — и все тут!

Я и сам понимаю, что трудно поверить в это: во всем мы разные люди и, тем не менее, при всей нашей непохожести люблю его и уважаю.

И если когда-нибудь занесёт Джанни тяжёлая артистическая жизнь в наш богоугодный уголок, зазову его в гости и отметим по-доброму встречу нашу, посидим мы, два нормальных мужичка, пообщаемся, о нашей водочке поговорим и об ихнем вермуте, о том, как борются у них с мафией, а у нас с госчиновниками (что, по сути, одно и то же). В общем, тем для разговоров, думаю, не на одно застолье хватит!

И ещё расскажу я ему, почему считаю его своим другом, хотя до нашей встречи он об этом знать не будет.

И вот что я расскажу ему.

Бес меня однажды попутал. Трасса была пустынная, асфальт ровнехонький, что твоё зеркало — знамо дело, не в Амурской области это было... Ну так вот, ни камешки, ни ямки внимания не отвлекают, музыка хорошая из радиоприемника несется, водители встречные фарами подмигивают, в смысле, привет, коллега, пути тебе удачного... А машина — что птица: дороги не ощущаю, лечу себе... Орел, одним словом.

Ну а тут из-за кустиков — здрасьте-пожалста: палочка полосатая с красным фонариком, — мол, стой, дорогой, приехали...

А за палочкой полосатой и человек при форме появился. Появился и скрылся, потому как пронёсся я мимо него, как американский «Шаттл» мимо нашего «Мира» во время неудачной стыковки.

Тормозил я очень долго.

А потом сидел и мысленно прощался с водительским удостоверением, клял себя за то, что я такой рассеянный — знака не увидел, — того знака, который говорил мне, что я превысил скорость как минимум на 100 километров.

А радио играет, музыка, повторяю, хорошая несется. И вот садится со мной сотрудник ГАИ примерно моего возраста и начинает рассказывать мне о том, что я собой представляю, сулит мне всевозможные кары — все, кроме расстрела, и я понимаю, что «влетел» достаточно серьезно.

А в это время из радиоприемника песенка полилась симпатичная, и товарищ милиционер усилил громкость звука.

А потом мы говорили с ним о музыке, о временах нашей юности, когда «Машина времени» находилась, как большевик, в подполье, когда болгарские сигареты называли «сливочными», поскольку они были вкуснее нашей «Примы», когда про «Битлз» писали не иначе как под рубрикой «Гримасы «свободного» мира» и когда по телевизору в программе «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» частенько показывали Джанни Моранди (с Италией мы в то время как раз задружили, несмотря на обилие там «красных бригад», и у нас стали продавать — впервые! — итальянские спагетти). О многом, одним словом, вспомнили мы с сотрудником ГАИ... И по-доброму расстались. Потому что воспоминания были добрыми.

Водительское удостоверение у меня в целости и сохранности (тьфу-тьфу). Правил дорожного движения я не нарушаю. Во всяком случае, стараюсь.

И все это благодаря тому, что именно песенка Моранди звучала в критическую для меня минуту.

Так что итальянский певец — первейший мой друган. Как придет к нам с концертами — заходите ко мне в гости. Познакомлю. Посидим, попоем... Хорошая песня не только радиоэфир, но и застолье украшает; людей сближает даже самых разных — шофера с гаишником, например...

НОВОГОДНИЙ АВТОГРАФ ОТ ВАРУМ

Были времена — на «северах» в снабжении работал. Как-то перед очередным Новым годом отправились из глухомани в областной центр за новогодними подарками. Дороги там безлюдные, перегоны длинные,

все разговоры с водителем переговоришь, язык и горло устанут — шофер магнитофон включает. И звук погромче делает — такой басок иной раз ухнет в колонках — шапку в окно сбивает!

Шоферу хорошо — не спится. А мне по той же причине плохо. Но помалкиваю: в дороге основная работа у водилы. Особенно шофер уважал Анжелику Варум, которая в то время была мало кому известна: так, Варум да и Варум, подумаешь...

Как заведет на полную мощь «Длинный остров Хонсю — это вам не Кюсю», так я готов дальше пешком топтать, лишь бы в ушах не застревали песенки эти.

Вот едем мы, едем — смеркается. Видим, на обочине машина грузовая стоит, от которой нам навстречу мужичок направляется, руками машет. Ну, остановились: вдруг помощь какая доброму человеку требуется. Оказалось, что в машине, из которой дядечка вывалился, — администратор филармонии — перевозили в небольшой городок аппаратуру музыкальную. И принадлежала она — вот совпадение-то! — музыкантам Анжелики Варум, которая решила в тот городок на гастроли заглянуть.

А машина из строя вышла, то есть концерт — под большим вопросом. Надо выручать. Перегрузили мы быстро аппаратуру — и ходу в этот самый городок, значительно отклоняясь от собственного маршрута.

А в городке провинциальном народ в фойе ДК уже забастовку готовит по поводу задержки концерта. А тут и мы, а следом и сама певица — замерзшая и дрожащая, как Снегурочка. Взял я у администратора 20 тысяч по-старому, понятно, — шоферу их в карман засунул.

— А мне, — говорю, — плакат с автографом — и не меньше того! Разводит руками импресарио: нет плаката, все раздали! Сказать снабженцу слово «нет» — значит смертельно обидеть его. Отодвинул я координатора в сторонку, в дверь мягонько — «тук-тук», и зашел после умирательного «войдите» — уж очень Анжелика с дороги устала, а впереди концерт.

Вошел я и давай сугубо по-снабженчески ее ошеломлять. И в любви-то ей объяснялся, и песни ее нахваливал, а про глаза ее — чуть ли не поэму сочинил. Музыканты — те от напора рты разинули, шофер мой

в дверях от смеха пополам перегибается, ну и Анжелика Батьковна развеселилась и чайку даже предложила. Из электрочайника.

Да уж какой чай — впереди ночь была и 700 верст пути. Не до чаявания. Достала Анжелика Юрьевна из сумочки аудиокассету — новую, только-только записанную, вкладыш вынула и автограф мне своей оставила, дескать, тоже люблю и скучать буду.

Откланялись мы — и в путь-дорогу. За окном метель, в кабине тепло, уютно. Музыка играет, певица славная поет — Варум Анжелика. И песни у неё хорошие, всю жизнь бы про Хонсю с Кюсю и слушал. И автограф каллиграфически-точёный: «Паше от Лики»...

Нет-нет, да и посматриваю на него иногда, вспоминая приятный предновогодний эпизод.

ОТЗВУКИ ЗВЕЗДНЫХ НОЧЕЙ

— Дульдурга! — взывал я к небу, стоя возле нашей машины километра за три от выезда из национального парка «Алханай».

— Дульдурга! — произносил я как заклинание, пытаюсь вложить в это слово всю свою мощную энергетику, нисколько не сомневаясь, что она у меня есть — нужно только расшевелить.

— Дульдурга! — и я замолкал, пытаюсь разобраться — услышали ли меня верховные боги.

А мимо туда-сюда сновали быстрые праздные бесшабашные туристы и сосредоточенные, углубленные в свой богатый внутренний мир несуетливые паломники в буддийских одеяниях. Мимо туда-сюда — кто по-свински быстро, кто всё же с минимальным соблюдением правил проносились автомобили и никому не было дела до нас, участников экспедиции по местам боевой славы нашего предка Чингизхана, стоящих у вышедшей из строя машины и пытавшихся напроситься к кому-нибудь на буксир. Заклинание «Дульдурга» я начал произносить на исходе второго часа нашего стояния.

Вообще Дульдурга — это районный центр на юге Забайкалья примерно в 30 километрах от того места, где мы застряли и где нахо-

дилась единственная на всю округу авторемонтная мастерская. Это уже много дней спустя знающие люди объяснили мне, что я был совершенно прав, произнося неожиданно попавшее на язык магическое слово «Дульдурга!»

Оказывается, я тем самым сделал запрос, заявку Небу. Космос ее обработал и послал нам помощь. Эта помощь явилась в образе юрко-го уазика, из которого выскочил не менее юркий водитель-бурят, молча подцепивший конец троса к своему вездеходу и резво дёрнувший с места вперед. Через пару минут наш спаситель набрал на пыльной гравийке такую скорость, что стал нахально обгонять идущую сплошным потоком нескончаемую вереницу машин.

При очередном наглom обгоне на закрытом повороте мы перестали напрягаться: стало очевидным — все в руках Судьбы. Судьба же в обличье уазика вдруг стала притормаживать и свернула в чистое поле. Вывалившиеся из кабины пассажиры стали быстро устанавливать на капоте бутылки и нехитрую закуску: оказывается, они решили «добавить». Раз пять спросивший, кто мы и откуда, а главное, как вообще мы оказались сзади его машины, шофер со звучным именем Мангыр, опорожнив еще одну стопку, скомандовал «По коням!», и мы опять понеслись к загадочной Дульдурге.

Сколько бы раз мы ни останавливались, а Мангыр все «добавлял», перечислять не буду, скажу лишь, что на самом въезде в возделенную Дульдургу нас остановили сотрудники ГИБДД. На наших изумленных глазах милиционеры побратались-пообнимались с уже совершенно пьяным Мангыром, и он дотащил-таки нас до гостиницы. За успешное окончание рейса скорой автопомощи мы хлопнули с Мангыром по стаканчику на капоте все того же уазика, и спаситель отбыл восвояси: он опаздывал на какой-то пикник и пулей улетел туда, где его ожидали непечатые бутылки, шашлык и красивые бурятские девушки.

Когда огоньки автомобиля скрылись за поворотом, мы вспомнили, что даже не спросили у Мангыра, где и кем он работает, коль скоро ему отдают честь даже сами гаишники, но потом здраво решили, что посланцы Неба вряд ли имеют должности на земле.

...Откровенно не спалось. Сидели на крылечке деревянной гостиницы-барака, смотрели на низкие звёзды (они в тех краях похожи на ёлочные шары — большие и хрупкие, и взять в руки можно), молчали, — а ну как от звука голоса звезда на лоб упадет... А из-за неплотно закрытой двери дежурной песня еле слышалась, приёмничек не выключила...

Так под него и дремала...

ПОДВИГ РЫЖЕГО АНТОНА

Нельзя сказать, что Антон был уж очень добросовестным охранником. Собственно, за охранника я его и не держал. Так, просто дружок. Приятель. С ним было о чём потолковать. Сядешь иной раз на крылечке, за ухом Антона треплешь, байку какую ему рассказываешь, а он слушает, внимает. Можно было на редактора пожаловаться, мол, не даёт свободы, все требует писать скукотень про соцсоревнование да про смотр первичных партийных организаций... Антон посочувствует, руку лизнёт, дескать, ладно тебе, будет и на твоей улице праздник... Глаза у него — умнее не встречал, все понимал. И настроение чувствовал. То ли по выражению лица читал, то ли по походке видел... Впрочем, по походке он другое определял.

Росточка был небольшого, рыжий, с белыми подпалинами — похожих собак в округе хватало, все от одного родителя. Но с такими всепонимающими глубокими глазами был только мой Антоха.

Своё предназначение он осознавал в том, чтобы оберегать меня от подозрительных, на его взгляд, личностей. А поскольку хозяин его — человек во всех смыслах положительный, а к хорошему человеку плохие люди не заходили, то лая Антохиного я практически никогда и не слышал! Не потому, что он чего-то опасался — просто был интеллигентом-самоучкой, считал ниже своего дворняжьего достоинства лаять на всех подряд.

То есть ни в коем случае нельзя сказать, что Антоша был трусишкой. И однажды он показал свою героическую сущность. Как-то колю

на дворе дрова, Антон в паре метров от меня возле полураскрытой калитки. Смотрю — по улице мимо нашего дома собака-чужак бежит, здоровущая, что твоя Баскервилиха, — и к нам в калитку норовит...

Тут Антон и бросился на неё, как Александр Матросов, вывалился с лаем в контратаку, чтобы шугануть нарушителя. А собака-бомж таких дворняг, как Антон, на своём веку-то перевидала, привыкла на помойках за место под солнцем бороться! Вцепилась в моего бедного пса профессионально, как киллер, в шею зубами, в глаза когтями норовит, на мои крики из-за забора не реагирует. Вой, визг, лай с рычанием, пыль до неба, кто по улице в тот момент шел — остолбенели, рты разинули... Ещё б мгновение, и положил бы за меня свой живот верный пёс, да тут как налетела со всего околотка свора Антохиных собратьев-близнецов и устроила такую обструкцию чужаку — почище разбора персонального дела на заседании партбюро!

Антон я тогда пожурил, мол, соображалкой думать надо, но при этом испытывал гордость за храбрость пса. А пёс понимал, что я таким образом его похваляю. И даже хвостом не вилял — достоинство не позволяло. Говорю же: интеллигент!

...Как-то по зиме рано утром выскользнул он с веранды, где спасался от студёных ветров, побежал проводить мою жену на работу. К вечеру хватились — нет Антона... Как так, что такое?! Оказалось, поселковые власти в тот день решили с бродячими псами побороться, попал и Антошка под раздачу, пристрелили.

С тех пор больше никогда собак не держал и не хочу: такого милейшего пса-собеседника с глубокими глазами мудреца, такого самоотверженца уже никогда не будет.

ПОЛЯНА ГРОХОЧУЩИХ КОПЫТ

Унты — это маленький посёлок-хуторок, затерявшийся в глухой тайге на самом севере Приморского края. От ближайшего населённого пункта Самарги мы добирались туда несколько часов на ульмаге по своенравной речке.

Занесли нас туда с газетным фотокорром поиски журналистских хлебов, — не все ж про успехи в соцсоревновании и прочую лабуду писать ... Так сложилось: сидели в сельсовете, разговаривали о житье-бытье с председателем, слушали его рассуждения о перестройке и о том, почему все вокруг приходит в упадок, а тут завалил в комнатушку ну чуть ли не киношный красавец: и шляпа лихо заломлена, и ветровка-штормовка из грубого брезента, — в общем, «капитан, обветренный, как скалы». Оказалось, начальник участка госпромхоза, того, что в Унтах. А в Унтах тех ноги журналистской отродясь не бывало: туда попробуй попади — кругом тайга непролазная и... — и все!

Мы с фотографом аж взвыли: возьмите нас с собой! Пофиг, думаем, редакционные сроки, не накажут, привезем хороший материал — в победителях будем! В общем, упростили!

Путешествие по реке — то еще приключение. Если не бывали в таких переделках, и объяснить не буду — какие чувства испытываешь, когда сплошь перекаты да заломы с прижимами!

В одном месте наш капитан принюхался, поближе к берегу подтабанил, разворот сделал, в обратку пошел, снова развернулся, опять принюхался... Что такое? Тухлятиной пахнуло! И что?

Пристал к берегу, карабин взял, в лес пошел... Минут через двадцать вернулся, сказал, что кабан недоеденный лежит, медведь явно пирует...

— А самого видел? — спрашиваем.

Улыбается, мол, самого лучше просто так не видеть, страшная зверюга...

Добрались до хуторка. Оказалось, всего пяток домов метрах в двадцати от речки стоят. Степанов — это фамилия нашего героя — высадил меня, сунул в руки конец веревки, я по берегу метров пятнадцать прошел, а он замет сделал. То есть, проплыл кружком. После чего в сетке мешок рыбы оказался. Белорыбицу и самцов отпустил, выбрал пару некрупных самок — и ужинать... Ужин самый что ни на есть простецкий: лохань икры посреди стола, рыба жареная, вяленая, вареная, картоха, косулятина копченая, что там еще... Ну, брусника, груздочки. И медовуха, конечно, — славная медовушка, надо сказать!

Жизнь там — ни радио, ни телевидения. Газеты — хорошо, если раз в месяц в Самаргу смотается кто, а в сезон охоты — так вообще, — извините...

Коней одичавших — табун из... Да короче, никто их уже и не считает, по зарастающим полям разбредаются. Ночью вдруг мимо дома ни с того ни с сего пронесутся — тык-дынь, тык-дынь... Копытами грохочут... Жутковато...

— А волков не боитесь? — спрашиваю.

— Так нет волков!

— Как нет?

— Ну, где тигры водятся, там волков нет, что ж их бояться...

Газетных материалов — о том, сколько и чего добывал в тайге наш новый знакомый, как чуть ли не из рук кормил тигров, как сверял часы по пролетающему высоко в небе на Аляску «Боингу», какой кумыс делала из кобыльего молока его жена, как он принимал у нее роды и многом другом — нам хватило потом надолго.

Рассказал я в газете и о том, как вечерами брал он в руки старенькую гитару, и мы все вместе выводили добрые хрестоматийные песни.

Говорю же, медовушка славная была, располагала...

ПОСВЯЩЕНИЕ КУПЕРУ

Написав и издав с десяток (а то и с «двадцаток»!) книг, Владимир Куприенко писателем себя не считает. Ну, разве что рассказчиком... Типа, встретился с приятелем — и рассказал историйку — что-то «из былого»...

Ну, а если и так, то рассказчик он отменный. Слушая (точнее, читая) его повествования, вдруг оказываешься в круговороте воспоминаний, в густой вязи крепкого, как настоящее рукопожатие, мужского разговора, захватывающих эпизодов, неких новых оценок и взглядов на былое — или, наоборот, на будущее...

Наполненные самыми разнообразными историями его книги — как старый друг, с ними и посмеёшься, и взгрустнёшь, и на ус мудрость

намотаешь: писатель-то не байки какие пустопорожние сочиняет, а самое, что ни на есть жизненное до читателя доносит — то, что сам увидел, перенес, прошагал, испытал, пережил. Ну, в крайнем случае, из первых уст услышал.

При этом, хитрец, будто знает, что вечнospешащий человек — плохой читатель, поэтому строит свои рассказы так, будто устраивает ловушку. Прочитав начальное предложение, первую фразу, уже не можешь отложить книгу в сторону и с каждым новым словом ощущаешь возрастание напряжения: ну, ну что там произойдет через секунду, ну, что же в итоге, чем же все закончится?! Ах! И совершенно неожиданный финал...

По большому счету, все его книги — о нас, кто бы ни действовал в сюжете: простой ли миллионер, захудалый ли доктор наук, довольный ли жизнью бездельник или завидный жених-пройдоха — в любом из них вы угадаете свои черты. Потому что вас также заедает быт, также возмущают окружающие «свинцовые мерзости жизни», также напрягают несправедливость и повальное лицемерие властей. Потому что вы также однажды не сделали решительного шага, также проворонили свою удачу, также повернули не на ту тропинку. Или все наоборот. Переворачивая последнюю страницу его книги, думаешь, жаль, что она закончилась — так увлекательно было следить за поворотами судеб героев, так занимательно было примерить на самого себя ту или иную жизненную ситуацию и так трудно было пытаться ответить на вопрос: «А ты? Как поступил бы ты?»

* * *

С Купером легко. Мы с ним на одной волне: на жизнь смотрим сквозь опыт прожитых лет, а поскольку из одного времени, из одних пионерских отрядов, из одних душевных песен, из одного студенческого диссидентства и последующего пофигизма, то у нас всегда есть, о чем помолчать. Кофе он варит — ни один дипломированный специалист в какое сравнение! Откушаешь одну чашку — на вторую тянет: уж очень уютно-вкусный аромат из турочки...

Завязалась наша дружба с будущим интересным писателем еще в 80-е, когда переживал я не самые веселые в своей жизни времена — прозябал на инженерской должности в отделе НТИ мелиораторского треста, в котором по большей части делился анекдотами в курилке да целовался с бедовыми девчатами-мелиораторшами в укромных уголках коридора...

И вот потребовалось срочно выпустить плакат об ударном труде оросителей полей, и сошлись на мне все стрелки... А в советское время выпустить плакат — проще было ГЭС построить: согласование в т.н. ЛИТО (скажем прямо, это цензурный комитет), проверка в секторе печати обкома партии, очередь в типографии, которая, надо отметить, была нескончаемой. В общем, дело растянулось бы на полгода. А надо — срочно.

И подсказали мне люди добрые, что есть в Свободном Владимир Куприенко, на том этапе — и.о. редактора газеты «Зейские огни», мол, гони туда, поможет.

Приехал, познакомились (хотя заочно друг друга знали), выложил ему проблему, которая, собственно, была следствием моих неприятностей. Ну, машина и завертелась!

Володя помог смакетировать плакат (густо намешали красной краской, чтобы выглядел попатриотичнее!), набрали текст — и отпечатали в типографии «Зейских огней»! И ушло на это всего дня три.

А вечера мы вместе с тогдашним свободненским собкором «Амурской правды» Николаевым коротали у Купера на кухне — он в ту пору холостяковал. Вообще, мы все трое холостяковали. Времена были суровыми, самый разгар «сухого» закона, а кофе Купер варить еще не научился, потому что его попросту не было, поэтому всего-навсего пили чай. Тот самый, что с Иркутской чаеразвесочной фабрики. Дивились перестройке, тренькали на гитаре (все трое понемногу) и вытаскивали из памяти песни юности.

А еще слушали чудом попавшую к Куперу пластинку Александра Суханова (хорошие пластинки тогда — попробуй достань!). Наверное, в магазине «Мелодия» у Купера был блат.

Пластинку быстро заиграли-заездили, трещала она безбожно, и чтобы игла не съезжала, на нее клали коробок спичек. Иной раз и слов уже было не разобрать, но мы-то их помнили наизусть...

Мы и не представляли тогда, что пелось — в том числе и о нас...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

Весна, на носу выпускной, наш одноклассник Сёма — второ-годник Андрюха Семёнов, сблатовал поехать на природоохранную станцию на субботник, там у него какие-то родственники работали, попросили помочь. Как раз на майских. Неожиданно отпустили родители, заставили лишь потеплее одеться. Гитару прихватил, я тогда с ней не расставался.

Компания подобралась самая разношерстная — из разных классов, да еще и из разных школ. Знакомство — так, шапочное: кто-то кого-то, не более того. В автобусе — шум, смех, анекдоты, — при-сматривание друг к дружке. Уже и симпатии наметились... Сёма — тот все байки страшные про какие-то развалины рассказывает, ну, те, что недалеко от того места, куда мы направляемся, мол, пять ве-ков назад там первопоселенцы обретались, а теперь привидения жи-вут и прочая нечисть...

— А что, слабо в лесу на тех развалинах переночевать? — начал за-едаться он, когда уже приехали, порубили прошлогоднюю траву и не-много освоились. Это Сёма захорохорился перед симпатичной дев-чонкой из другой школы.

Ну, слово за слово — к вечеру пошли искать те самые развалины.

Сначала по дороге, а потом через кусты, бурелом, а там и стемнело, уже фонариком подсвечивали, уже и жутковато, уже и мысли — чего поперлись... Сёма-то девчонку ту за руку держит, герой, а остальным как-то и не очень... А там и белое что-то мелькнуло, вой тоскливый раздался... Неприятно, конечно, но и понятно, что Сёма подговорил какого-то балбеса... Хорошо хоть балбес тот подговоренный, про-стынкой махавший, дровец заготовил. Так что тут же костер и разве-

ли. Да еще свалили добрячую старую лесину, как-то мудрено ее разбили топором, всю ночь потом тепло давала.

Сначала орали песни хором, в том числе и про пароход и бумажку на носу, и ещё что-то, потом я выдал весь свой не самый богатый репертуар, потом выяснилось, что ночь, по сути, только началась, и до утра ещё — охо-хо, потом стали петь то, что знали другие. А та самая девушка — её Ольгой звали, точно помню, в ее глазах тогда я просто утонул, даже и не булькнул ни разу, подлаживаясь под мои неумелые аккорды, спела песню «Вечер бродит по лесным дорожкам, ты ведь тоже любишь вечера, подожди...» — помните? Там в каждой строчке нечто трогательное, там в каждом слове — грусть и нежность, и мне все казалось, что она поет про меня. Ну, понятно, что не про меня, а все равно — про меня, интересно, да? Уже много позже я узнал, что эту песню ее автор Ада Якушева посвятила своему мужу, другу, коллеге и единомышленнику Юрию Визбору. Она вообще все свои песни ему посвятила. Как и свою жизнь.

Но тогда мы автора не знали, просто пели и всё. И, не отрываясь, смотрели с той девушкой друг на друга сквозь пламя...

И по фигу мне был тыкающий меня кулаком в бок Сёма...

ФИЛОСОФ РАЙНЕС

...А еще Борис Райнес пишет стихи. Не про какие то там «кровь-любовь» и прочие «чудные мгновенья» — про них кто не пишет! — а философские, о том, что жизнь, конечно, бесконечна, но почему-то не для конкретного человека.

Но стихи Борис пишет очень редко, да и то сугубо для внутреннего пользования, на страницы альманахов и журналов попасть не стремится, так что как поэт известен больше в кругу друзей.

Зато его знают как режиссера. Приехав в Тынду после окончания Ленинградского института культуры, за дело повышения оной взялся с совершенно по-питерски революционным размахом! Кто ж

из участников самых размашистых, звонких и задорных лет стройки не помнит его самодеятельного коллектива — Театра политического плаката «Зеркала»!

Артисты громили китайских реакционеров в спектакле «Китайский синдром», выступали за самостоятельность Ирландии в постановке «Верните Ирландию ирландцам!» (по нынешним временам пособниками сепаратистов признали бы!) — в общем, держали нос по идеологическому ветру.

С этими постановками Борис со товарищи объехали весь малый БАМ, побывав в таких уголках, которых еще и на временной-то карте не было. А еще сочинял сценарии корпоративных праздников, городских юморин, дней города и постоянно работал в оргкомитете бамовских фестивалей авторской песни, гремевших, не будем умалять их значимости, на всю страну.

А далее — переезд, работа на ГТРК «Амур». И опять «в яблочко»! Райнесовская программа «Парк культуры» очень быстро нашла своих почитателей. Сейчас так не снимают, так не делают. Сейчас все наскоряк, быстро-быстро (хотя и весьма профессионально, не откажешь!) — но все как-то по-дежурному, однообразно, не зацепишься... Без души.

В тех же программах главное место было у человека. Каждая глубоко продумана, красиво выстроена и, несмотря на общее название, оригинальна.

Казалось бы, ну, кто не рассказывал про Владимира Илюшина или Александра Тихомирова, — а в Борисовом «Парке» встречаешься с ними как в первый раз: герои откровенны, как попутчики в поезде.

Рассказав практически обо всех местных и приезжих деятелях культуры и общественной жизни, Борис переключился на исторические темы и снял несколько серий из задуманного им (совместно с рано ушедшим Владимиром Холкиным и бывшим гендиректором ГТРК «Амур» Александром Герасимовым) 20-серийного фильма по истории нашей области. Увы, смена руководства области, а затем и ГТРК похоронила эту идею. Но материал, мысли сохранились и хочется верить, найдут они свое воплощение на экране.

Впрочем, сам Борис смотрит на это философски. Он уже занят другим проектом (чтоб не сглазить, не скажу, каким). Ну я же говорил, что Борис — философ. И стихи пишет — философские. Жаль только — редко...

ЭХО ДАЛЕКИХ СНЕГОВ

Друзья-егеря все уговаривали, мол, пойдем с нами в тайгу, давно свежим воздухом не дышал... Ну, про воздух, понятно, шутили, я в то время в поселке жил, который на берегу моря стоял, в самом центре Сихотэ-Алинского заповедника. Воздух там — глотать можно. Я все отнекивался, а тут вдруг подстрекатал к дому мотоцикл и — вперед!

До означенного места морем добираться надо было. И в небольшой лодчонке всё что-то больше про Робинзона на ум приходило, как он кораблекрушение терпел. Но марку держал и с пренебрежением на плавники акульки поглядывал.

Часа через три болтанки добрались до места назначения. И что накат большой был, и что десантником себя чувствовал, прыгая с трехметровой волны на берег — это уже ерунда. Главное, лицо было как у Бельмондо, без страха и упрека, так что переживаний моих заметно не было. Нацепили рюкзаки — и в путь к верховьям реки Таёжной — есть там такая, хотя старожилы её по-старому называют — Белимбе.

Правду говорю: душа пела! Всем моим существом владело то, что окружало меня. Эта серебряная роса, эти ещё не теплые лучи солнца, эти изящнейшие паутинки, эта где плавно, а где с рокотом несущаяся река, эти выпрыгивающие из неё трехметровые рыбины, этот треск где-то в стороне продирающегося медведя (поми-луйте, что, правда, медведь? Ну да. Он, Миша... — лениво отвечали мне), этот сочный аромат тайги, эти полусопки-полускалы... На привале рыбину поймали секунды за три. Ушица — да это не ушица, это поэзия, — была столь отменной, что наевшись до отвала и полежав минут десять, я не удержался и съел ещё столько же,

и лишь потом перешел к чаю. Чай тоже шел за милую душу. Что уж тут: чай с дымком — это не чай из электрочайника!

А там перекур — и опять в путь. И тут-то я понял, что желудок, набитый в походе туго, как рюкзак — помеха делу. Мои проводники лишь посмеивались, глядя, как я, переходя речку, опускал голову в воду, остужая себя.

Привалы были совсем маленькие и опять через тайгу, через речку, по камням, через буреломы, а когда стемнело, пошел дождь — мелкий и нудный, какой бывает только в тех местах, и к зимовью мы подошли напрочь промокшие и злые.

Я был мертв. И был доволен собой. С непривычки прошагать по тайге примерно 20 километров наравне с настоящими таёжниками — это что-то значило. Хотя бы для меня. А на другой день опять маршрут, и мошка стала не в пример вчерашнему злее, и река после дождя стала вроде бы глубже, сильнее, строже, и больше давала знать о себе усталость...

Один из егерей на привалах все песню одну мурлыкал. Хорошая песня. И я подпевал, потому что тоже знал её. Хотя — почему «знал»... Я и сейчас её знаю — это «Снег» Городницкого. Да и вы её тоже знаете! Подсаживайтесь, места у костерка хватит.